

Суд в царской России (по материалам Переславского уезда)

К середине XIX века судебные учреждения России дошли до такого произвола, продажности и волокиты, что царское правительство в 1864 году было вынуждено издать новые судебные уставы, по которым вводились выборные судьи и допущено участие в суде представителей от населения.

На первый взгляд кажется, что суд действительно стал другой. Но в мировые судьи избирались только владельцы недвижимого имущества: в деревне стоимостью от 15 тысяч рублей, а в городе не ниже 3 тысяч рублей. Иначе говоря, судьям мог быть только помещик, купец, домовладелец. По Переславскому уезду таких было всего около 40 человек, или меньше 0,1 процента взрослого населения.

Чтобы быть избранным в присяжные заседатели, надо было иметь в городе недвижимое имущество не менее чем на 500 рублей, а в деревне владеть свыше 10 десятин земли. [10,9 га] Значит, в присяжные заседатели могли попасть: домовладельцы, купцы и кулаки. В 1877 году переславские кулаки имели 15 548 десятин земли на 852 двора. [16 987 га] Прибавив к этому городских домовладельцев и купцов, получим, что по уезду присяжными заседателями имели право быть менее 1 000 человек, или 2,5 процента взрослого населения.

Следует добавить, что и судьи, и заседатели выбирались не населением, а земской управой и городской думой. Таким образом, этот выборный суд был в руках кучки тунеядцев, сидевших на шее народа, эксплуатировавших народ.

Правда, иногда в заседатели попадали и крестьяне-середняки. Но они смотрели на своё почётное звание как на тяжёлую обязанность, отрывавшую их в такую пору, когда «день — год кормит».

Оторванные от дома, «они должны в течение всей сессии пробиваться где, чем и как хотят». («Владимирские губернские ведомости», 1875 год, № 4.) Доходило до того, что они вынуждены были просить членов земской управы дать им денег на хлеб. Естественно, что такое положение у них «отнимает всякую силу к разумному обсуждению дела» (там же).

Однако и этот суд правительству казался слишком прогрессивным. В 1889 году выбранные мировые судьи заменяются назначенными, а присяжные заседатели — сословными представителями. Суд в деревне был отдан в руки земских начальников.

С этого времени суд окончательно переплёлся с полицией и жандармерией, со всеми административными властями и стал в ещё большей степени служить интересам правящей верхушки.

* * *

Как же судили царские судьи? Вот примеры.

Местные черносотенцы, во главе с торговцем С. Ильичёвым, терроризировали прогрессивных интеллигентов требованиями покинуть Переславль под угрозой побоев и даже смерти. В результате «агроном г. Семагин под давлением таких угроз уже уволился от службы и оставил Переславль». («Клязьма», 1906 год, № 12.)

21 апреля 1906 года в пикалёвском трактире черносотенцы, руководимые тем же Ильичёвым, зверски избили некоего Бубнова за его прогрессивные взгляды. Потерпевшего прямо из трактира увезли в больницу. («Клязьма», 1906 год, № 106.)

*Васильев, С. Д. Суд в царской России (по материалам Переславского уезда) / С. Д. Васильев // Коммунар. — 1951. — 14 ноября. — С. 2.

Газета сообщала, что это «уже второй случай расправы. Первая была учинена над письмоводителем податного инспектора. До каких пределов доходит наглость Ильичёва, видно из того, что он угрозами принудил г. инспектора отказать побитому письмоводителю от места».

В заключение газета указывала, что Ильичёв «является протезе, почти другом местного исправника г. Тихомирова» и поэтому остаётся безнаказанным.

Однако случай с Бубновым был настолько вопиющим, что Ильичёв и другие были отданы под суд.

«16 мая наш обер-черносотенец С. Ильичёв приговорён судом к двухмесячному тюремному заключению за избиение С. М. Бубнова». («Клязьма», 1906 год, № 130.)

Не вдаваясь в степень наказания, можно сказать, что хулиганы наказаны... Но не тут-то было! Они обратились к царю и были помилованы.

«Эта высочайшая милость принята нашими громилами, как поощрение их черносотенной деятельности, и мы слышали Ильичёва, во всеуслышание, грозившего на базаре: „...Теперь мы покажем красным... пусть они уезжают навсегда из Переславля, если хотят остаться живыми“». («Владимирец», 1906 год, № 38.)

Комментировать тут нечего. Но не то ожидало рабочих и крестьян, если они попадали в лапы судебной или административной власти.

14 января 1906 года газета «Клязьма» сообщила, что «арестованы и посажены в местную тюрьму четверо рабочих фабрики „Переславской мануфактуры“ и два студента».

Арестованные 20 дней ждали допроса и объявили голодовку. Наконец стало известно, что дело «передано судебному следователю, который, говорят, по предварительному следствию не нашёл в их действиях состава преступления». («Клязьма», 19 февраля 1906 г.)

Кажется, всё? Можно освободить арестованных? Но, они — не Ильичёв. Идут дни, недели, месяцы... «2 мая политические В. И. Смирнов, Ф. М. Елпатьевский, В. Л. Добродеев и Жуков начали голодовку. Следствие окончилось, состава преступления не найдено, но их продолжают держать в тюрьме с 22 декабря». («Клязьма», 1906 год, № 116.)

Вторичная голодовка подействовала. 3 мая арестованных освободили. Они испытали всю судебную и административную волокиту, всю «прелесть» застенка, пока им наконец не сказали: «Вы невиновны».

Царские суды сурово расправлялись с теми, против кого можно было состряпать хоть какое-нибудь «доказательство».

15 января 1907 года особое присутствие московской судебной палаты во Владимире приговорило крестьянина Переславского уезда И. В. Копнина к году крепости за распространение революционной литературы. («Владимирец», 1907 год, № 12.) Добавим, что до суда Копнин более года отбывал предварительное заключение, не зачтённое в приговор.

* * *

До чего доходил произвол земских начальников, свидетельствует следующий случай. Земский начальник 4 участка Переславского уезда А. М. Журавлёв «возмутился» просьбой об уплате денег за произведённую для него работу. В своей камере он набросился на просителя крестьянина Судилова, «схватил его за горло и начал душиить, а потом, прижавши обессиленного Судилова к стенке, стал бить его по голове кулаками»... («Старый владимирец», 1910 год, № 239.)

Естественно, что потерпевший Судилов передал дело в суд. Кто же судил Журавлёва? Да, тоже земский начальник, только другого участка, отставной подполковник Н. Л. Наумов, который, «рассмотрев это дело, Журавлёва оправдал, а Судилова обвинил, применив к нему в виде меры наказания месяц ареста, и признал вместе с тем его обвинение к Журавлёву недобросовестным». («Старый владимирец», 1911 год, № 47.)

Таким образом, крестьянин Судилов, избитый и полужадушенный руками земского начальника, в ловких руках царского судьи стал преступником.

Судилов передал дело в уездный съезд. В те времена он состоял из уездного члена окружного суда, статского советника Ф. К. Тепфера, городского судьи коллежского советника Н. А. Розанова, земских начальников В. В. Угрюмова и К. Б. Федосеева, при секретаре надворном советнике А. П. Лилееве. На суде 21 февраля «привлечённый к ответственности г. Журавлёв виновным себя не признал и предъявил к Судилову встречное обвинение за оскорбление в публичном месте...»

Свидетель крестьянин Козлов показал, что... «через открытую дверь видел, что Журавлёв душил Судилова за горло, прижав его к стене, причём кулак г. Журавлёва был возле шеи потерпевшего». («Старый владимирец», 2 марта 1911 года.)

Кажется ясно! Но ведь судили-то земского начальника. Поэтому, несмотря на яркую речь защитника Судилова — Г. А. Спиридова, «уездный суд оправдал г. Журавлёва и Судилова, отвергнув признание суда первой инстанции обвинения Судилова к Журавлёву недобросовестным» (там же).

А вот когда «25 февраля был передан протокол дознания городскому судье для привлечения к ответственности крестьянина С. И. Сметанина за истязание лошади» («Старый владимирец», 1911 год, № 45), он был приговорён к 7 дням ареста с заменой штрафом в 10 рублей.

За недоимки суд приговорил сломать дом у крестьянина деревни Хмельники и, оставшись без крова, несчастный кончил жизнь самоубийством. («Старый владимирец», 1910 год, № 44.)

А когда дьякон села Половецкого украл деньги, он остался безнаказанным (там же, № 73).

Весной 1910 года в Переславле читалась лекция, а 1 ноября в камере уездного члена разбиралось «дело по обвинению г-жи Минович в произнесении „нескольких фраз“ при чтении лекции „О борьбе женщины за равноправие в Англии“. Уездный член приговорил г-жу Минович к 50 рублям штрафа». («Старый владимирец», 1910 год, № 252.)

Но тот же уездный член оправдал насильника — священника Филипповской церкви А. Богоявленского, хотя улики были совершенно явными». («Старый владимирец», 1911 год, № 99.)

Таков был суд в Переславле. Он был точным сколком всей судебной системы царской России.